

СОЦИОПОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-20-36

УДК 316.346.32-053.6

Саморегуляция общественной активности студентов в условиях цифровизации социального пространства

Дмитрий Юрьевич Нархов¹, Елена Николаевна Нархова²,
Лев Владимирович Мишин³, Елена Петровна Мельникова⁴

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, РФ)
d_narkhov@mail.ru

² кандидат социологических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, РФ)
e_narkhova@mail.ru

³ магистрант кафедры организации работы с молодежью, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, РФ)

⁴ кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, РФ)
arthelen@mail.ru

Аннотация. Изучается проблема общественной активности студенчества Свердловской области в условиях интенсификации цифровизации социального пространства, вызванной ситуацией вынужденной самоизоляции. Цель статьи — анализ саморегуляции общественной активности студентов в условиях цифровизации социального пространства. В традициях уральской научной социологической школы, в соответствии с концепциями многомерности и самоорганизации молодежи и с применением общностного, деятельностного и других социологических подходов разрабатывается терминологический ряд концептов студенческой образовательной общности и ее социальной активности. Разграничиваются термины «классическая (традиционная) общность», действующая в реальном социокультурном пространстве, «виртуальная общность», социальное действие которой переносится в киберпространство и «цифровая общность», занимающая промежуточное положение и действующая многомерном реально-виртуальном социокультурном пространстве. Общественная активность студенчества рассматривается как один из видов (наряду с образовательной и профессиональной) социальной активности и формой актуальной общекультурной социализации. На материалах эмпирических исследований 2020 г. и с привлечением данных вторичного анализа регионального мониторинга исследуются факторы, интенсивность и динамика общественной активности студенчества. Выявлены представления студентов

о людях, выступающих примерами для подражания, вскрыты разнонаправленные тенденции в ценностных установках — на помощь обществу и конкретным людям и на материальную успешность и комфорт. Получены новые данные о социальных проблемах, волнующих студентов, предпочитаемом типе общественной активности, об отношении к гражданству Российской Федерации, динамике участия в электоральных процессах, коллективных акциях, участии в работе общественных организаций и благотворительных акциях. Выявлено отношение студентов к молодежным общественным организациям и условиям для активного участия молодежи в общественно-политической деятельности. Делается вывод о переориентации значительной части студенчества на приоритет личного над общественным и о дальнейшем расслоении и атомизации студенческой общности.

Ключевые слова: студенчество, социальное пространство, цифровизация, общественная активность, саморегуляция, цифровая общность, общественные организации, вынужденная самоизоляция.

Цитирование: Нархов Д. Ю. Саморегуляция общественной активности студентов в условиях цифровизации социального пространства / Д. Ю. Нархов, Е. Н. Нархова, Л. В. Мишин, Е. П. Мельникова // Siberian Socium. 2021. Том 5. № 1 (15). С. 20-36. DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-20-36

ВВЕДЕНИЕ

В глобализирующемся мире цифровизация социокультурного пространства увеличивает возможность развития и реализации потенциала студенческой молодежи, вместе с тем может способствовать и его девальвации. Скорость и доступность любого контента, обратная связь и «режим реального времени» создали новый, более сложный тип социального пространства, который, как и прежний, является объективной реальностью, «фоном» формирования мировоззрения личности. Сформированное интеллектуальными технологиями открытое информационное пространство, постоянно меняя характер социального взаимодействия, изменило и характер общественных отношений. В идеологически плюралистичном пространстве виртуальная реальность с динамичным развитием цифровых технологий становится фактором характеристик общественной активности, в определенной мере определяет ее параметры.

Сложившееся открытое информационно-технологическое социальное пространство задает и определяет отношения и процессы в обществе. Особое значение в связи со спецификой современной эпохи и особенностями студенчества имеет проблематика изучения характера, направлений и степени общественной активности именно этой группы молодежи. Ведущей становится

концепция перехода интерпретации молодежи как «социального сейфа» и социального заказа — к социальному партнерству. Студенчество в этой связи рассматривается не только и не столько как социальный ресурс развития общества, а как его передовая часть в силу высокой степени восприятия изменений в общественной жизни, способности им соответствовать, в готовности активно участвовать в общественном развитии. Существенное место в исследованиях последних лет занимает проблема реализации потенциала, саморегуляции и самоорганизации молодежи и студентов в молодежных движениях, объединениях и организациях. Вместе с тем ситуация вынужденной пандемической самоизоляции, повлияла на формы и характер общественной активности студенчества и не изучена в достаточной степени.

Цель статьи — анализ саморегуляции общественной активности студентов в условиях цифровизации социального пространства. В процессе ее реализации предполагается уточнить терминологический ряд концепта социальной активности, зафиксировать изменения, связанные с интенсификацией цифровизации социокультурного пространства для возможной дальнейшей корректировки управления внеучебной работой со студентами Свердловской области как одного из крупнейших промышленных и научно-

образовательных центров России, в вузах которого обучаются более 120 тыс. студентов.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретический раздел базируется на социокультурном подходе уральской научной школы [8], представлениях о многомерности молодежи [14], теории самоорганизации молодежи [4]. Также использовались ряд подходов, используемых социологами для исследования студенчества — общностный, деятельностный, институциональный, структурно-функциональный, темпоральный и сетевой.

Эмпирическую базу составили материалы двух этапов полевого исследования по авторской методике с высокой степенью репрезентативности для вузов Свердловской области в целом. Первый этап — квотный анкетный опрос в электронной форме, ноябрь — декабрь 2020 г., метод распространения — рассылка QR-кода и URL-адреса опроса на SAWI-сервисе через службы проректоров по научной деятельности вузов, студенческие научные общества и лидеров студенчества. Размер выборки $N = 333$, из них 34% мужчин, 80% бакалавров, 14% — специалистов, 6% — магистрантов из 14 вузов Свердловской области. Второй этап — контент-анализ персональных страниц социальной сети «ВКонтакте» студентов 19 вузов Свердловской области по квотной выборке. Объем выборки $N = 364$, из них 49% мужчин, 54% бакалавров, 8% — специалистов, 18% — магистрантов, в 20% уровень образования не указан. Представлены 17 вузов и два филиала. Основание для квотирования — численность студентов в вузе. Математическая обработка материалов осуществлена с помощью пакета прикладных программ для анализа социологической, маркетинговой и политологической информации VORTEX. Для выявления динамики привлекались данные вторичного анализа мониторингового исследования [14], проведенного при непосредственном участии авторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Реальность современного российского общества, его стремительные социальные изменения обу-

славливают интерес к проблемам общественной активности молодежи, ее различных групп и слоев. Поиск причинно-следственных связей и зависимости общественной активности данной группы от параметров социокультурной среды задает логику анализа, выявленную П. Сорокиным: основу социокультурного представляет интегральная целостность, «личность, общество и культура как неразрывная триада» [13, с. 170]. Социальные институты образования и науки, художественной культуры и средств массовой информации аккумулируют нормы и ценности, свойственные данному обществу и разделяемые в той или иной степени его социальными слоями и группами: «Благодаря связи с культурой смыслы жизни приобретают ценностную форму, а устойчивость ценностно-смысловых факторов в регуляции определяет интерпретации реальности, представления о значимых событиях, жизненные выборы и в целом направленность социального поведения отдельных групп, отражая тем самым исторически сложившиеся образцы культуры» [5, с. 5].

Являясь результатом многочисленных культурных влияний, личность реализуется и как субъект социокультурной деятельности, в которой находит свое отражение социальная и личная идентичность. Социальная идентичность проявляется в общественной активности различных социальных групп, личная идентичность — в самоактуализации и реализации всех знаний, умений, способностей, потребностей и интересов человека, т. е. его сущностных сил. Количество и направления видов деятельности в свободном времени группы или личности, формируя диапазон деятельности и степень включенности личности в разные общности, воссоздают или трансформируют социокультурную среду. Многообразие контактов, степень их референтности, направленность и избирательность видов деятельности, устойчивость избранных видов, частота обращения и воспроизводимость в свободном времени, выступают как важные характеристики социокультурного пространства. Согласно определению Е. В. Орловой, социокультурное пространство не что иное, как «конструируемая человеком пространственная среда — своего рода физическое и ментальное

выражение организации пространства человеком. Именно человек, его социальные связи образуют социокультурное пространство как специфическую пространственно-временную целостность» [9, с. 150]. Оно формируется коммуникациями на различных уровнях межличностного общения, обусловленного функционированием социальных институтов образования и культуры, средств массовой информации (как традиционных, так и современных), электронных цифровых технологий и созданных на их основе социальных сетей. «Структурированность социокультурного пространства говорит о его способности вмещать в себя различные модусы бытия: виртуальное и реальное, знаковое и символическое. Оно крайне неоднородно и состоит из целого ряда подпространств, составляющих его единство и уникальность, но в тоже время на первый взгляд никак не связанных» [9, с. 150].

Информационная эпоха существенным образом повлияла на социокультурное пространство через развитие интеллектуальных технологий, изменение социальной структуры, через увеличение слоев, занятых интеллектуальным трудом, цифровизации всех сфер общественной жизни. Динамичное развитие интеллектуально-цифровых технологий в современном российском обществе сформировало новую реальность, определяющую динамику и характер социального взаимодействия. Разделяя понятия «информационное общество» и «цифровое общество», Е. В. Беляева видит специфику последнего в том, что его «ключевой характеристикой становится не сама информация, а электронно-цифровой способ ее хранения и распространения, электронно-цифровое опосредование любых социальных отношений, в то время как для общества постмодерна спецификой было изменение роли информации как в сфере материальной деятельности, так и в области человеческих отношений и духовной жизни» [1, с. 5].

Современные формы информационно-коммуникативного взаимодействия меняют структуру социального пространства, расширяют границы и ускоряют динамику. Интеграция информации на основе цифровизации и конвергенции в от-

крытое глобальное информационное общество, появление технологий поиска и анализа виртуальных данных влияет на содержательные параметры консолидации разноплановых обществ. Виртуальная интерактивность детерминирует формы участия на основе конструирования своей социальной идентичности, позиции, потребностей, сформированных отчасти в «реальной» реальности на первых этапах социализации и, в зависимости от субъективных факторов и социальных условий, степенью погружения в «виртуальную реальность». Среди многочисленных интерпретаций понятия «виртуальная реальность» остановимся на определении его как своеобразного системного явления современной культуры, порожденного доминантностью технологий цифровизации. Один из исследователей виртуальной реальности, С. И. Орехов, рассматривает ее как «искусственную реальность, существующую как результат сложных отношений в системе «техника — сознание», где человек «представлен только своим сознанием, которое является главным элементом в генерации виртуальной реальности» [7, с. 18]. Вместе с тем, по справедливому замечанию Л. Г. Ионина, «виртуальная реальность — это не место механического отображения „реальной реальности“, а способ построения альтернативных миров, что и подчеркивается в одном из этимологических значений „виртуальный“ (альтернативный, пробуждающий мысль)» [6, с. 20].

Сформированное в постиндустриальном обществе информационное пространство существенным образом изменило и традиционные формы общения и взаимодействия, направления и формы деятельности. В этой связи общественная активность молодежи в различных сферах нуждается в детальном изучении как социально-инновационный ресурс общества и социальная группа — лидер в освоении и развитии цифровых технологий.

Позиция личности в обществе определяется целым рядом субъективных характеристик, с разной степенью рефлексии и активности направленные на изменение и преобразование общественных условий «реальной» реальности

и дифференцированно проявляющиеся в виртуальном пространстве. И в этом киберпространстве «сепарируются собственные техно- и киберэлиты» [7, с. 21].

В соответствии с интеллектуальным потенциалом, со спецификой знаний (универсальные или технико-операциональные) и мировоззренческой позицией представителя «галактики Интернет» стремятся занять определенную позицию — от максимально активной позиции влияния до позиции наблюдателя-исследователя или комментатора. Влияние представителей техноэлиты концентрируется на технологических моментах, лидеры общественного мнения претендуют на формирование общественного сознания и управление общественной активностью в социуме через многочисленные интернет-каналы. Так или иначе, но роль лидеров виртуализации социокультурной среды перемещается от технически высокообразованных программистов, владеющих программными средствами создания киберреальности, к айдженерам, для которых «жизнь в телефоне», «гаджетная коммуникация» стала обыденной. Это происходит, потому что интерфейс современных программ, сайтов, компьютерных игр позволяет с легкостью создавать контент, отвечающий задачам самореализации и формирует «альтернативную культуру виртуального социума» [12, с. 756].

В системе неформальных отношений интернет-сообществ позиция доминирования проявляется в организации и управлении сообществом на основе демонстрации способностей убеждения, что и обеспечивает высокий уровень влияния.

Когнитивные характеристики субъекта влияния базируются на фундаментальных знаниях с аналитическим типом мышления, что позволяет установить причинно-следственные связи, выявить завуалированную формой сущность, обнаружить мотивы и потребности членов группы и использовать компьютерные технологии только как инструмент для решения социальных или личных задач, который обусловлен системой ценностных координат. В антропологической классификации ценностных ориентаций личности профессор В. И. Плотников выделяет четыре

типа ценностных ориентаций [10, с. 372-373]. Доминирование какого-либо типа ценностных установок формируют личность либо индивидуальной ориентации, либо социально-ориентированную личность. На основе когнитивной составляющей (тезаурус, уровень и качество образования и т. д.) можно выделить личность с универсальным уровнем знаний, панорамным мышлением аналитического типа мышления (определение сущности явлений) и личность с технико-операциональным уровнем знаний, тенденцией к доминированию проектного мышления (каким образом решать задачу).

Таким образом, на основе данной схемы можно выделить следующие типы:

- 1) личность социальной ориентации с универсальными знаниями;
- 2) личность социальной ориентации с технико-операциональными знаниями;
- 3) личность индивидуальной ориентации с универсальными знаниями;
- 4) личность индивидуальной ориентации с технико-операциональными знаниями.

Личности с универсальным уровнем знаний в сравнении с личностями операциональных знаний имеют больший потенциал управленческого неформального лидерства с условием наличия соответствующей ценностной потребности. Данная типология может служить методологией анализа коммуникативного взаимодействия в виртуально-цифровом пространстве и причинно-следственных связей общественно-социальной активности.

Благодаря компьютерной коммуникации возникают многочисленные виртуальные сообщества, в которых основой объединения является потребность приобщения, самоидентификации, самопрезентации, реализации интересов в виртуальном пространстве. Идентификация как организующий принцип позволяет найти единомышленников, Интернет, предоставляя информацию, расширяет возможности выбора, позволяет сформировать свой образ в виртуальном пространстве в соответствии с собственными интересами и амбициями под влиянием виртуальной референтной группы. Структурируя объективные и субъективные признаки формирова-

ния общности, Г. Е. Зборовский отмечает «наличие общих ценностей, интересов, установок как основы устойчивых форм совместной жизни» [3, с. 9]. С этой точки зрения можно говорить о саморегуляции в выборе форм активности, в «осуществлении совместной деятельности, взаимодействии на разных уровнях» на основе «включенности социальной общности в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений» [3, с. 9]. Вовлечение в социальную практику общественной активности предполагает выявление степени активности студенческой молодежи (процентного соотношения активных и пассивных установок), социальной или индивидуальной направленности общественной активности и определения механизмов активизации открытого и латерального потенциала общественной активности.

Проблема детерминированности общественной активности, социального поведения социальным характером, разработанная в теории Д. Рисмена, выявляет установку отношения к обществу и людям. Согласно данной теории устойчивые качества человека, проявляемые в его привычных формах поведения, позволяют выделить определенные типы социального характера [11]. «Какая ориентация доминирует в молодежной среде — ориентация на себя, на культуру или на социальные предписания. Во вторых... необходимо предвидеть судьбу будущего российского общества, ядро которого в ближайшие два-три десятилетия составит так называемое „поколение Z“, характер которого формируется в среде электронных социальных сетей и цифровых технологий» [15, с. 234].

Дифференциация студенческой молодежи по формально-традиционным признакам — пол, возраст, уровень и направление образования — дополняется дисперсностью по неформальным субъективным признакам социально-психологического плана. Возникает вопрос источников формирования позиции, факторов объединения на основе воспроизведения традиционных или создания новых форм консолидации, на основании которых можно типологизировать современных студентов как классическую (традицион-

ную), как виртуальную или как цифровую общность для анализа обусловленности общественной активности молодежи виртуально-цифровым пространством.

Классическая общность, не игнорируя современные технологии, отражая все противоречия и проблемы, в большей степени именно воспроизводит традиционные формы взаимодействия в обществе. В противоположность классической виртуальная общность, как актор воссоздания виртуальной реальности и создания собственного пространства, радикальным образом трансформирует модель взаимодействия, порождая новые электронно-сетевые социально-культурные практики. «Молодежь в поиске самореализации массово мигрирует в Интернет, строя собственное пространство общения и самовыражения... в глобальном анонимном аффективно-индивидуалистическом сетевом социуме» [12, с. 764]. Потребность представителей виртуальной общности к принадлежности формируется на основе содержательных, а не формальных признаков, выбор осуществляется на основе референтности группы и индивидуальных характеристик интеллекта, тезауруса и т. д. Она весьма дисперсна. Ее адептами являются как «цифровые аборигены» с максимальной степенью вербальной активности в сетях, так и «социальные мигранты», убежавшие в виртуальность и создающие там свой собственный виртуальный мир с минимальной связью с социальными проблемами «реальной» реальности.

Между этими полярными общностями находится цифровая общность, соединяющая практики обеих. Для них актуален процесс виртуализации культуры в обществе, однако они не готовы стать абсолютными «цифровыми аборигенами», мигрировать в виртуальную реальность, которая в их представлении — продолжение и расширение социокультурного пространства, ограниченного пространственно-временными параметрами. *Комбинируя практики обеих групп, классической и виртуальной, они стремятся от локального минимума к многомерному виртуальному пространству, но используют его в инструментальных целях.* Актуализация потенциала всех трех групп

в процессе их саморегуляции существенным образом трансформирует социальное пространство, дополняя его еще одним элементом — электронными коммуникативными технологиями, которые и являются основными в формировании цифрового социокультурного пространства.

Результат трансформации социокультурного пространства с неизбежностью сопровождается трансформацией мировоззренческих констант, смысложизненных ориентаций, установок. Целеполагание деятельности обусловлено удовлетворением потребностей, реализацией интересов и целей, решением поставленных задач. Не менее важным представляется самоопределение и самореализация, задающие направления и формы общественного бытия, степени активности. Активность довольно широкое понятие. *В соответствии с развиваемым нами подходом можно выделить активную или пассивную позицию, предпочтения коллективной или индивидуальной деятельности.*

Социальная активность — «интегральное качество личности, реализующееся в различных видах самодеятельности, в процессе которой происходит самореализация личности, обусловленная объективными и субъективными факторами» [2, с. 892] в целях операционализации понятия в нашем исследовании представлена тремя формами. *Образовательная активность* выделяется как базовая форма деятельности студенческой общности (центральный признак образовательной общности). *Профессиональная активность* рассматривается как форма стратегически перспективной социализации, процесс и результат интeриоризации профессиональной культуры. *Общественная активность*, являющаяся предметом данной статьи, представляется как форма актуальной общекультурной социализации, главным образом протекающей за пределами учебных аудиторий и исследуется нами с позиций позитивной социально значимой деятельности. Все формы социальных девиаций авторами оставлены для изучения специалистам-превентологам.

Общественная активность как деятельное отношение личности к жизни общества проявляет потребность в определенной роли и личностный потенциал, предполагающий совокупность опре-

деленных качеств: организаторских способностей и инициативности для лидеров, ответственности при выполнении общественных заданий и поручений для исполнителей. Вектор общественной активности задается смысложизненными установками. Результаты анкетирования свидетельствуют о двух разнонаправленных тенденциях (таблица 1).

С одной стороны, проявляется социоцентричность, образец для подражания — тот, кто стремится оказать помощь другим людям, обществу, с другой — демонстрируются гедонистические установки (образец — материально успешные, независимые и комфортно живущие люди). Заметна и новая тенденция — образцом для подражания ученых студенты стали называть чаще, чем «лиц с экрана ТВ» — артистов, спортсменов, политиков. Существенна и группа тех, кто выбрал в качестве образца для подражания узнаваемых в медийном пространстве блогеров и журналистов — явное следствие цифровизации социокультурного пространства.

На степень такой активности значительное влияние оказывает направление подготовки в вузе (таблица 2).

Таблица 1. Представления студентов о людях, вызывающих восхищение, желание быть похожими на них, поливариантный вопрос, % опрошенных
Table 1. Students' ideas about people who inspire admiration, desire to be like them, multivariate question, % of respondents

Варианты ответов	%
Оказывающие помощь другим людям, обществу («борцы за справедливость»)	46
Материально успешные, независимые («миллионеры», «успешные предприниматели»)	42
Живущие комфортно, стабильно	42
Гениальные ученые, изобретатели	35
Известные артисты, спортсмены	21
Успешные лидеры, политики	20
Физически сильные и смелые («герои»)	16
Известные блогеры, журналисты	14
Пользующиеся любовью у противоположного пола	3
Ваш вариант:	7

Примечание: среднее число ответов — 2,5.

Note: the average number of questions — 2.5.

Вторым компонентом, более вариabильным и ситуативным, является наличие интереса к общественной работе. Как ни удивительно, но лидерство оказалось в большей степени присуще представителям естественнонаучного и математического направлений (хотя в ответах «математиков» может присутствовать некоторая доля преувеличения, желание компенсировать не полностью реализованный лидерский потенциал). Для «инженеров» оказалось более важным деятельное участие в событиях и среди них же более всего тех, кто высказал пассивное отношение к общественной активности. Значительная по численности группа неопределившихся (каждый пятый в массиве), как представляется, также занимает пассивную позицию.

Проблемы социального, политического, экономического, экологического и иного порядка предопределяют и направление общественной активности студенчества. Среди наиболее часто называемых в ходе анкетного опроса проблем ожидаемо доминируют вызванные общей ситуацией пандемии низкая доступность качественной

медицинской помощи (55% респондентов), плохое состояние здравоохранения, платность медобслуживания (51%, с существенной гендерной разницей — 54% женщин и 46% мужчин в группе), традиционная проблема социального расслоения, большой разницы между богатыми и бедными (49%) и, по всей вероятности, детерминированная обострением «гражданского противостояния» в период голосования по поправкам к Конституции и последовавшей активизацией деятельности несистемной оппозиции проблема чиновничьего произвола, которую назвали 45% женщин и 55% мужчин (в целом по массиву отметили 49% респондентов). Значительная гендерная разница зафиксирована в отношении проблемы массовых эпидемий и пандемии COVID-19 (отметили 52% женщин и 36% мужчин, в целом по массиву 46% ответов). Усилились проблема асоциального поведения молодежи, рост алкоголизма, наркомании (отметили 41% респондентов, в 2016 г. — только 29%) и отсутствия внимания органов власти к потребностям молодежи (35% и 23% соответственно) и проблема отчужденности, непонимания между молодым и старшим поколениями (28% и 12%). Заметно выросло и число тех, кто в качестве проблемы назвал плохие условия для полноценного отдыха, досуга, — 17% респондентов. И это гораздо более «мужская» проблема, ее отметили 23% мужчин и 13% женщин. В массиве 2016 г. таких респондентов было всего 8%. Эта динамика свидетельствует о причинах активизации протестного настроения молодежи и сигнализирует о возможных направлениях деятельности в сфере государственной молодежной политики. Проблема будущего трудоустройства, традиционно волновавшая студентов, названа существенно реже, чем в 2016 г. (41%, в 2016-м — 56%) [14, с. 207-208].

Преобразование ресурсного потенциала студенческой молодежи в социальный капитал общества определяется мотивацией, интересами, гражданской позицией, сформированными в полисемантическом информационном обществе и актуализированными в цифровом пространстве. Достаточно ярко это проявляется в отношении желания студентов получить гражданство другой

Таблица 2. Предпочтительный тип общественной активности, распределение в зависимости от направления подготовки, % от группы

Table 2. The preferred type of extracurricular activity, distribution depending on the direction of training, % of the group

Вариант ответа	Гуманитарный	Естественнонаучный, математический	Инженерно-технический	Общественно-экономический	Массив в целом
Лидер — вдохновитель, организатор	18	20	13	15	16
Активный участник непосредственных событий	23	23	27	22	24
Аналитик событий в социальных сетях	16	8	8	19	12
Сторонний наблюдатель	22	23	33	28	27
Затрудняюсь ответить	21	26	20	15	20

страны и готовности отказаться от гражданства российского (рис. 1).

Как видим, для половины респондентов, участвовавших в опросе 2020 г., гражданство другой страны представляет определенную ценность, из них видны очевидные выгоды от отказа от российского гражданства почти для каждого пятого, лишь четверть заявили о желании сохранить юридически значимую связь со страной. Полагаем, что эти данные косвенно свидетельствуют о количественном потенциале студентов в протестной активности (среди этих 17% более всего не удовлетворенных общественно-политической и экономической ситуацией в стране). Заметно и резкое, в 2,9 раза, уменьшение доли не готовых отказаться от российского гражданства по сравнению с данными 2016 г. [14, с. 256-527].

Весьма любопытные сведения получены при сравнении гражданской активности студентов по интенсивности и степени участия (рис. 2). Число лидеров вдвое превышает число позиционирующих себя как активных участников общественных процессов, число относительно пассивных в 2,7 раза превышает число тех, кого можно отнести к «диванным экспертам», а группа сторонних наблюдателей, наоборот, в 2,3 раза больше студентов, заявивших о своей пассивной гражданской позиции. Это — свидетельство того, что понятия «активность» и «лидерство» расходятся в сознании студенчества. И только в группах «от-

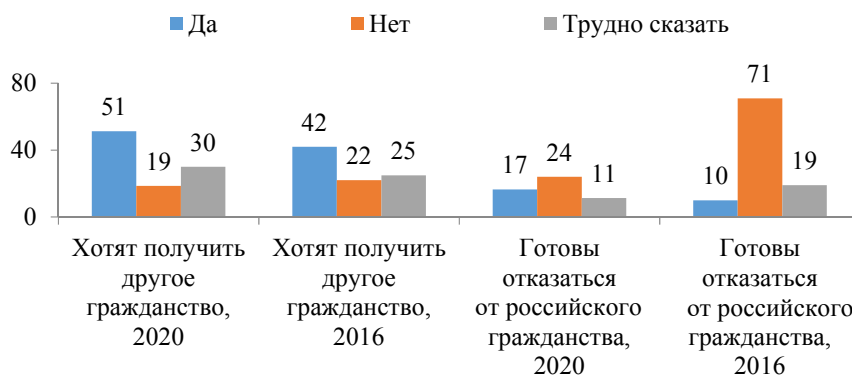
носительно активных» и «активных участников непосредственных событий», а также в группе неопределившихся доли таких ответов оказались близкими по численности.

Студенчество, несмотря на значительную формальную и неформальную дисперсность, выступает как интеллектуальный авангард молодежной общности. Переход к постиндустриальному обществу, в котором главным ресурсом является информация, ознаменовал эпоху глобальных перемен во всех областях человеческой деятельности. Наиболее ощутимы данные изменения в тех сферах, которые связаны с информацией. В таких условиях важная роль отводится институту образования, который обеспечивает воспроизводство знаний и трансляцию культуры [14, с. 203]. В результате возрастает и степень общественной активности: о своей пассивности в 2016 г. заявили 47% респондентов, в 2020-м уже 37% [1, с. 537-538], и дисперсность социальных практик и форм студенчества. Наиболее существенные изменения наблюдаются в активности, связанной с электоральными процессами и участием в коллективных акциях (таблица 3), весьма активно освещаемых и обсуждаемых в информационном поле и нашедших отражение на персональных страницах социальных сетей, особенно по поводу участия в протестном движении.

Исследование показало, что ряд форм общественной активности студенческой молодежи

Рис. 1. Готовность студентов изменить гражданство, альтернативный вопрос, готовность отказа — среди тех, кто хочет получить гражданство другой страны, 2016-2020 гг., % опрошенных

Fig. 1. Students' civic position, alternative question, willingness to refuse — among those who want to obtain citizenship of another country, 2016-2020, % of respondents

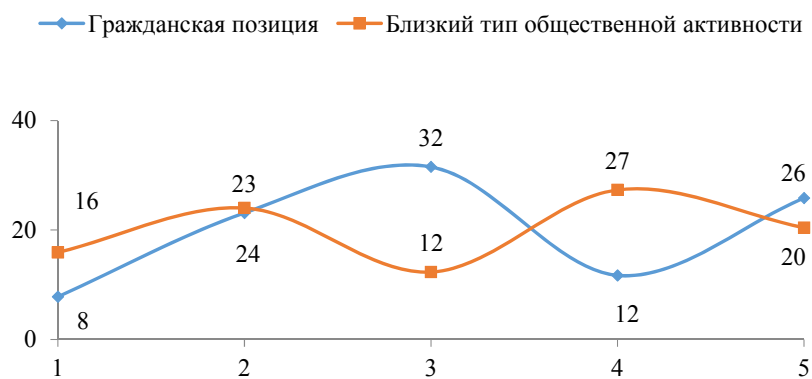
практически остался на прежнем уровне, при этом изменения ниже статистической погрешности — 4% (таблица 4). Следует отметить, что больше информации по данной проблеме нам удалось получить в социальных сетях. Такая ситуация, как видится, связана с изменением бюджета времени, вызванным ситуацией всеобщей самоизоляции в период проведения опроса 2020 г. Стали больше тратить времени на учебу 43% респондентов, на саморазвитие — 42%, в то время как для 65% время на общественную деятельность не изменилось, еще для 12% оно сократилось. Повлияло и недостаточное информационное сопровождение соответствующих видов активностей.

Степень включенности студентов в общественную активность вполне коррелирует с оценками роли молодежных организаций в жизни

студенчества (таблица 5). Среди респондентов — и более всего гуманитарных направлений — доминирует мнение о ведущей роли молодежных организаций как о «школе лидерства», то есть инструменте личного продвижения и реализации карьерных стратегий. Не менее важной явилась функция защиты интересов молодежи; более всего ее отметили респонденты общественно-экономического профиля. Относительно небольшое (менее трети в массиве) число отметивших функцию организаторов досуга коррелирует с ответами о структуре студенческого досуга, где преобладают индивидуальные формы, как пассивные: прослушивание музыки (61% респондентов), ничего не делаю (50%), так и активные: занятия хобби (52%), чтение художественной литературы (49%) и самообразование (44%).

Рис. 2. Сравнение гражданской позиции и наиболее близкого типа общественной активности, 2020 г., % опрошенных

Fig. 2. The comparison of civic position and the most type of social activity, 2020, % of respondents

Значения горизонтальной оси

	Гражданская позиция	Тип активности
1	Активная	Лидер — вдохновитель, организатор
2	Скорее активная	Активный участник непосредственных событий
3	Скорее пассивная	Аналитик событий в социальных сетях
4	Пассивная	Сторонний наблюдатель
5	Затрудняюсь ответить	Затрудняюсь ответить

Horizontal axis values

	Citizenship	Activity type
1	Active	Leader — inspires, organize
2	Rather active	An active participant in the immediate events
3	Rather passive	Researcher of social media events
4	Passive	Distant observer
5	Unsure	Unsure

Таблица 3. Динамика участия студентов в электоральных процессах, в коллективных акциях, поливариантный вопрос, % ответивших на блок вопросов об участии в управлении обществом в последние 2-3 года

Table 3. The dynamics of students' participation in electoral processes, in collective actions, multivariate question, % of respondents to the block of questions about participation in the management of society in the last 2-3 years

Вариант ответа	2016	2020**	2020***
Участие в выборах в органы власти в качестве избирателя	11	29	10
Участие в выборах в органы власти в качестве кандидата	4	5	
Участие в избирательной кампании (сбор подписей, агитация, работа на избирательном участке и др.)	6	7	
Подписание обращений, петицией по поводу событий в жизни страны, региона, вашего населенного пункта	9	12	9
Участие в официальных митингах, демонстрациях по поводу событий в жизни страны, региона, населенного пункта	8	6	10
Участие в протестных акциях, пикетах, митингах по поводу неоднозначных решений власти, работодателей	—*	5	11
Участие в разрешенных митингах, собраниях	—	4	—
Участие в забастовках	3	4	—
Участие в несанкционированных митингах, шествиях	—	2	9

* Нет данных; ** Анкетный опрос; *** Контент-анализ, % в массиве

* No data; ** Questionnaire survey; *** Content analysis, % of the selection

Таблица 4. Динамика участия в работе общественных организаций и благотворительных акциях, поливариантный вопрос, % ответивших на блок вопросов об управлении обществом в последние два-три года

Table 4. The dynamics of participation in the work of public organizations and charity events, multivariate question, % of respondents to the block of questions about the management of society in the last 2-3 years

Значения	2016	2020**	2020***
Участие в деятельности молодежных общественных организаций и объединений	16	19	18
Участие в работе волонтерских организаций	17	16	18
Участие в деятельности студенческих отрядов	11	12	19
Участие в социальных акциях, направленных на пропаганду физической культуры, спорта и здорового образа жизни	12	11	14
Участие в деятельности общественных организаций (правозащитных, благотворительных, экологических и т. д.)	7	9	18
Участие в работе домкомов, кооперативов, территориальном общественном самоуправлении	3	3	—*
Участие в деятельности политических партий, движений, организаций	3	2	—
Участие в деятельности религиозных организаций	1	2	5
Сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение (теракт, стихийное бедствие, лечение)	8	8	11
Коллективное благоустройство подъездов, домов, детских площадок, окружающих территорий	3	5	-

* Нет данных; ** Анкетный опрос; *** Контент-анализ, % в массиве

* No data; ** Questionnaire survey; *** Content analysis, % of the selection

На вопрос о занятиях в свободное время вариант ответа «занимаюсь общественной работой в НКО, профсоюзе и других общественных организациях» выбрали лишь 7% респондентов.

Более всего тех, кто не считает общественную работу важным занятием, оказалось среди студентов инженерно-технических направлений

(14% в группе) при том, что в целом по массиву такой позиции придерживается менее чем каждый десятый. Интересно, что среди студентов гуманитарного и естественнонаучного профилей нашлось заметное число считающих возможным возврат к советскому опыту организации работы с молодежью. Да и в целом сторонников такой

Таблица 5. Распределение ответов об отношении к молодежным общественным организациям, поливариантный вопрос, % от группы

Table 5. The distribution of answers about attitudes towards youth public organizations, multivariate question, % of the group

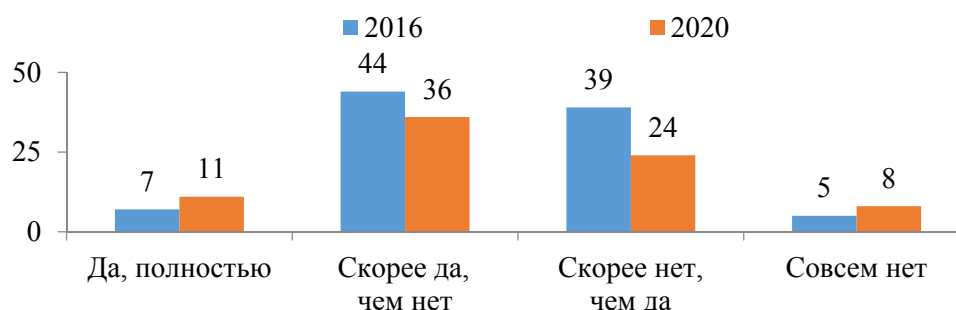
Вариант ответа	Гуманитарный	Естественнонаучный, математический	Инженерно-технический	Общественно-экономический	Массив в целом
Они помогут развить качества лидера, организатора	63	55	49	42	52
Кто-то должен отстаивать интересы молодежи	41	34	38	47	40
Кто-то должен помогать организовать наш досуг	29	31	29	26	29
Они не должны быть политизированными	25	29	28	31	28
Кто-то должен организовать молодых людей	22	26	20	26	23
Они должны заниматься конкретными делами	11	20	16	33	20
Студенты должны учиться, а не заниматься общественной работой	4	8	14	4	8
Нужно вернуться к советскому опыту, возродить комсомол или создать его аналог	8	8	2	4	5

Примечание: Среднее число ответов в массиве — 2,11.

Note: The average number of answers in the selection — 2.11.

Рис. 3. Динамика оценок условий для активного участия молодежи в общественно-политической деятельности, % опрошенных

Fig. 3. The dynamics of assessments of conditions for active participation of young people in social and political activities, % of respondents

позиции за последние 5 лет стало вдвое больше, что свидетельствует о востребованности эффективных форм, пусть даже и в определенной степени легендарных для современных студентов.

Относительная пассивность молодежи проявилась и в оценках условий для активного участия молодежи в общественно-политической деятельности, сложившихся в Свердловской области (рис. 3).

Наблюдается постепенная поляризация мнений. Но число сторонников крайних позиций увеличилось непропорционально серединным группам, в то время как число неинформативных ответов и пропустивших вопрос составило 15%. В условиях нестабильности, территориальной, а в условиях пандемии и социальной изоляции выявляется уже интериоризированный вузом результат образования, который находит свое воплощение в механизме саморегуляции. Неуверенная позиция относительно функций общественных организаций и условий для реализации потенциала общественной активности вполне коррелирует с позицией Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова о механизмах саморегуляции в молодежных сообществах: «Саморегуляция смысложизненных ценностей молодых людей представляется как динамичный процесс наполнения их жизнедеятельности новыми смыслами в изменяющемся культурном пространстве» [4, с. 165].

Не находя для себя адекватных форм признания результатов в общественной деятельности, не обнаруживая приемлемых условий для такой деятельности, значительная часть студенчества ожидаемо переориентируется на приоритет личного над общественным, в результате чего происходит расслоение и дальнейшая атомизация общности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образовательная общность студентов, оставаясь молодежной общностью и авангардом молодежи, претерпела заметные изменения под воздействием цифровизации социокультурного пространства. Эти изменения заметны при анализе общностнообразующих признаков в рамках деятельностного подхода. В структуре студенчества

можно выделить три группы, которые в зависимости от смысложизненных установок проявляют себя как классическая (традиционная) общность, действующая в реальном социокультурном пространстве, как виртуальная общность, социальное действие которой переносится в киберпространство, и как цифровая общность, занимающая промежуточное положение и действующая в многомерном реально-виртуальном социокультурном пространстве, активно использующая как традиционные, так и электронные коммуникативные технологии для реализации своих жизненных стратегий. Социальная активность общности, выступая качественно-количественным индикатором социального действия, выступает в виде образовательной, профессиональной и общественной активности. Последняя является формой актуальной общекультурной социализации, а ее вектор, позитивно-созидательный или девиантно-разрушительный, детерминирован ценностными установками, в частности, представлениями о тех, кого можно называть кумирами. Эмпирические данные свидетельствуют о двух разнонаправленных тенденциях — ориентации на помощь обществу и конкретным людям и на материальную успешность и комфорт. В качестве объекта восхищения, в том числе и по причине материальной успешности, студенты стали называть ученых и изобретателей даже чаще, чем известных лиц телевизионного пространства. Тем самым, и это позитивно, актуализируется форма самореализации студентов через научную деятельность.

Несмотря на заметное влияние на студентов лидеров интернет-пространства и СМИ, форма активности, связанная лишь с анализом событий в социальных сетях, наименее характерна для студенчества, они предпочитают непосредственное участие в событиях и в значительной части — в качестве лидера. Однако цифровое пространство оказало значительное давление на стремления студентов найти способы самореализации в собственной стране: существенно возросла и доля готовых получить другое гражданство, и доля готовых отказаться от российского гражданства. Изменилось и отношение студентов к элек-

торальным процессам (они стали активнее участвовать в выборах) и коллективных выражениях гражданской позиции, в том числе и идущих вразрез с законодательством. Традиционные формы социально-позитивной активности (студенческие отряды, волонтерские движения и др.), по-прежнему занимая несущественную часть в структуре свободного времени студентов, в целом не приобрели значительного количества новых приверженцев, в том числе и потому, что молодежные организации воспринимаются студентами не столько как место для самореализации, сколько как «социальный лифт», позволяющий на основе полученных знаний и наработанных

качеств занять достойное место в социуме. Условия вынужденной самоизоляции перераспределили бюджет времени студентов в сторону учебы, самообразования и пассивных форм досуга в ущерб формам общественно-позитивной активности, которая большей частью сместилась в киберпространство.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Е. В. Цифровое общество и возможности его этического регулирования / Е. В. Беляева // Ведомости прикладной этики. 2018. № 52. С. 74-82.
2. Грунт Е. В. Социальная активность студентов технических колледжей в современной России / Е. В. Грунт, А. П. Зайко // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 19-20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 890-902.
URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/32244> (дата обращения: 29.01.2021).
3. Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности / Г. Е. Зборовский // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 3-12.
4. Зубок Ю. А. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164-186.
5. Зубок Ю. А. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Научный результат. Социология и управление. 2018. Том 4. № 3. С. 3-13.
6. Ионин Л. Г. Социология в обществе знаний: от эпохи модерна к информационному обществу / Л. Г. Ионин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 431 с.
7. Максименко Л. А. С. И. Орехов о виртуальной реальности: актуальная повестка / Л. А. Максименко // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 18-22.
8. Научные школы Уральского федерального университета. Энциклопедия / под общ. ред. проф. В. В. Запария. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 512 с.
URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/94041> (дата обращения: 12.12.2020).
9. Орлова Е. В. Социокультурное пространство: к определению понятия / Е. В. Орлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 149-152.
10. Плотников В. И. Ценностный мир человека и его судьба / В. И. Плотников // Двадцать лекций по философии / А. В. Грибакин, Ю. Г. Ершов, В. Е. Керимов и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. С. 367-403.
11. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество / Д. Рисмен // Социологические исследования. 1993. № 3. С. 121-130.

12. Савицкая Т. Е. Виртуальная Россия: новая социальная онтология, новый культурный праксис / Т. Е. Савицкая // Культура России, 2000-е годы / под ред. Е. П. Костиной. СПб.: Алетейя, 2012. С. 740-764.
13. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
14. Студент 1995-2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала. Монография / под ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с.
15. Шайхисломов Р. Б. Социальный характер: вопросы методологии и методов исследования / Р. Б. Шайхисломов, Г. Р. Асадуллина, Н. В. Коровина, Э. В. Садретдинова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (62). С. 233-244.

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-20-36

UDC 316.346.32-053.6

Self-regulation of students' public activity during the digitalization of the social space

Dmitry Yu. Narkhov¹, Elena N. Narkhova²,
Lev V. Mishin³, Elena P. Melnikova⁴

- ¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Organization of Work with Youth, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)
d_narkhov@mail.ru
- ² Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Organization of Work with Youth, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)
e_narkhova@mail.ru
- ³ Master Student, Department of Organization of Work with Youth, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation)
- ⁴ Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)
arthelen@mail.ru

Abstract. This article studies the problem of social activity of the students of the Sverdlovsk Region in the context of intensified digitalization of the social space caused by the forced self-isolation. The purpose of this paper is to analyze the self-regulation of students' social activity in the conditions of digitalization of the social space. Following the traditions of the Ural scientific sociological school and the concepts of multidimensionality and self-organization of youth, as well as using community, activity, and other sociological approaches, the authors use a terminological series of concepts of the student educational community and its social activity. They distinguish the terms “classical (traditional) community”, acting in a real socio-cultural space, “virtual community”, the social action of which is transferred to cyberspace, and “digital community”, occupying an intermediate position and acting in a multidimensional real-virtual sociocultural space. The social activity of students is considered as one of the types (along with educational and professional) social activity and a form of actual general cultural socialization. Employing the materials of empirical research in 2020 and with the involvement of data from the secondary analysis of regional monitoring, the authors study the factors, intensity, and dynamics of social activity of students. The results reveal the ideas of students about people serving as role models and multidirectional tendencies in value attitudes — to help society and specific people and to material success and comfort. New data were obtained on the social problems of concern to students, the preferred type of public activity, attitude towards the citizenship of the Russian Federation, the dynamics of participation in electoral processes, collective actions, participation in the work of public organizations and charitable events. The attitude of students to youth public organizations and conditions for active participation of young people in social and political activities is revealed. The authors conclude on the reorientation of a significant part of the student body towards the priority of the personal over the public and about the further stratification and atomization of the student community.

Keywords: students, social space, digitalization, social activity, self-regulation, digital community, public organizations, forced self-isolation.

Citation: Narkhov D. Yu., Narkhova E. N., Mishin L. V., Melnikova E. P. 2021. "Self-regulation of students' public activity during the digitalization of the social space". *Siberian Socium*, vol. 5, no. 1 (15), pp. 20-36.
DOI: 10.21684/2587-8484-2021-5-1-20-36

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 20-011-31274 "Social activity of students of the Middle Ural in conditions of transit to digital community".

REFERENCES

1. Belyaeva E. V. 2018. "Digital society and the possibilities of its ethical regulation". *Vedomosti prikladnoy etiki*, no. 52, pp. 74-82. [In Russian]
2. Grunt E. V., Zaiko A. P. 2015. "Social activity of students of technical colleges in modern Russia". *Proceedings of the XVIII International conference in memory of Prof. L. N. Kogan "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research" (19-20 March, Yekaterinburg)*, pp. 890-902. Yekaterinburg: UrFU. Accessed 29 January 2021. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/32244> [In Russian]
3. Zborovskiy G. E. 2010. "Theoretical foundations of the study of social community". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 3-12. [In Russian]
4. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. 2019. "Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of youth". *Bulletin of the Institute of Sociology (Vestnik Instituta sotziologii)*, vol. 10, no. 4, pp. 164-186. [In Russian]
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. 2018. "Life-meaning values in the cultural space of Russian youth". *Scientific Result. Sociology and Management*, vol. 4, no. 3, pp. 3-13. [In Russian]
6. Ionin L. G. 2007. *Sociology in the Knowledge Society: From the Modern Era to the Information Society*. Moscow: Publishing House of the State University Higher School of Economics. 431 pp. [In Russian]
7. Maksimenko L. A. 2019. "S. I. Orekhov about virtual reality: actual agenda". *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, no. 1 (22), pp. 18-22. [In Russian]
8. Zapariy V. V. (ed.). 2020. *Scientific Schools of the Ural Federal University: Encyclopedia*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. 512 pp. Accessed 12 December 2020. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/94041> [In Russian]
9. Orlova E. V. 2017. "Socio-cultural space: to the definition of the concept". *Istoricheskkiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (81), pp. 149-152. [In Russian]
10. Plotnikov V. I. (2002) "Valuable world of man and his fate". In: Gribakin A. V., Yershov Yu. G., Kerimov V. E. et al. *Twenty Lectures on Philosophy*. 2nd edition. Pp. 367-403. Yekaterinburg: Bank of cultural information. [In Russian]
11. Rismen D. 1993. "Certain character types and the society". *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 121-130. [In Russian]
12. Savitskaya T. E. 2012. "Virtual Russia: new social ontology, new cultural praxis". In: Kostina E. P. (ed.). *Culture of Russia, 2000s*, pp. 740-764. Saint Petersburg: Aletejya. [In Russian]
13. Sorokin P. A. 1992. *Person. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. 543 pp. [In Russian]
14. Vishnevskiy Yu. R. (ed.). 2017. *Student in 1995-2016: The Dynamics of Socio-Cultural Development of the Students in the Middle Urals*. Yekaterinburg: UrFU Print. 904 pp. [In Russian]
15. Shaikhislamov R. B., Asadullina G. R., Korovina N. V., Sadretdinova E. V. 2019. "Social character: questions of methodology and research methods". *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 5 (62), pp. 233-244. [In Russian]